

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНТРАСТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ И ДУШЕВЫХ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДАХ

О. В. Асканова

Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия)

Нарастание значительных диспропорций в территориальном развитии Российской Федерации вызывает все большее беспокойство, представляя серьезную угрозу социальной стабильности и безопасности государства. Находясь в актуальной повестке, тема региональной поляризации отражается как во власти риторике, так и в документах стратегического планирования государства. Однако «скромность» результатов реализуемых мер по балансированию пространственного развития, а также периодически всплывающие в публичном пространстве тезисы о необходимости отказа от поддержки российской провинции не позволяют автору обойти вниманием обозначенную проблему.

В работе преследуется цель изучить разрывы в экономическом потенциале российских регионов и сглаживающие их бюджетные эффекты, определенное представление о которых дает анализ валового регионального продукта и бюджетных расходов в расчете на душу населения. Обоснованность использования для целей исследования отмеченных показателей определяется, по мнению автора, обусловленностью неравенства бюджетных возможностей субфедеральных властей разрывами в относительной величине валового регионального продукта.

Использование специальных методов обработки и анализа массива статистических данных позволило не только выявить довольно сильные территориальные контрасты по величине валового регионального продукта в расчете на душу населения в РФ, но и четко зафиксировать процесс расхождения уровней развития регионов по данному индикатору. Вместе с тем исследование региональных различий в бюджетных расходах на душу населения показало наличие пространственного перераспределения экономических ресурсов в масштабе страны. Признавая, что посредством бюджетной политики государство пытается сгладить резкие диспропорции в экономическом развитии регионов, автор отмечает недостаточность мер демпфирующего воздействия. В итоге происходит не просто консервация проблем отставания, но и дивергенция уровней социально-экономического развития лидирующих и стагнирующих регионов.

Ключевые слова: валовый региональный продукт, бюджетные расходы, пространственное развитие, региональные неравенства, выравнивание территориальных различий.

INTER-REGIONAL CONTRASTS IN ECONOMIC POTENTIAL AND PER CAPITA BUDGET EXPENDITURES

O. V. Askanova

Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russia)

Growing significant imbalances in the territorial development of the Russian Federation is causing increasing concern, posing a serious threat to the social stability and security of the state. Being on the current agenda, the topic of regional polarization is reflected both in the power rhetoric and in the strategic planning documents of the state. However, the «modesty» of the results of the implemented measures to balance spatial development, as well as the theses that periodically pop up in the public space about the need to abandon the support of the Russian province, do not allow the author to ignore the identified problem.

The aim of the work is to investigate the gaps in the economic potential of Russian regions and the fiscal effects smoothing them, which are given a definite idea by analyzing the gross regional product and budget expenditures per capita. The validity of using these indicators for research purposes is determined, in the author's

opinion, by the inequality of budgetary opportunities of sub-federal authorities and gaps in the relative size of the gross regional product.

The use of special methods of processing and analyzing an array of statistical data made it possible not only to identify rather strong territorial contrasts in terms of gross regional product per capita in the Russian Federation, but also to clearly record the process of regional development levels diverging according to this indicator. At the same time, the study of regional differences in budget expenditures per capita showed the presence of spatial redistribution of economic resources on a national scale. Recognizing that through fiscal policy the government is trying to smooth out the sharp imbalances in the economic development of the regions, the author notes the insufficiency of damping measures. As a result, not only the problems of lagging behind are being preserved, but also the levels of socio-economic development of the leading and stagnating regions are diverging.

Keywords: gross regional product, budget expenses, spatial development, regional inequalities, leveling territorial differences.

Введение. В современных условиях обострения противостояния России и коллективного Запада особую значимость приобретают вопросы социальной консолидации российского общества на принципах справедливости и патриотизма. На этом фоне актуализируется проблема существенной асимметричности регионального развития РФ, имманентным атрибутом которой является неэквивалентность возможностей граждан по доступу к социальным благам и удовлетворению социальных потребностей. Обозначенная проблема, нарушая принцип справедливости и подрывая сплоченность российского социума, представляет серьезную угрозу социальной стабильности и безопасности государства. В условиях же СВО, когда внешним проявлением территориальных диспропорций стал значительный диспаритет в размерах единовременных выплат из региональных бюджетов при заключении контракта о военной службе, запрос на справедливое распределение в обществе тягот и благ обрел новое звучание.

Отметим, что тема регионального неравенства в РФ будоражит умы научного сообщества уже не одно десятилетие. Подобный факт не вызывает удивления, поскольку уровень территориальных диспропорций в России выше многих стран, что согласно докладу Всемирного банка 2018 года «На пути к новому общественному договору» обеспечило ей третье место антирейтинга по данному показателю среди 35 государств Европы и Центральной Азии [1]. Однако, на наш взгляд, проблема разрывов в развитии регионов России кроется не только в масштабах этого явления, но и его динамики, которая, являясь нелинейной, изменяется под влиянием разных факторов, в том числе макроэкономического фона и перераспределительной политики государства [2]. В этой связи особое беспокойство вызывает устойчивый характер регионального неравенства в РФ, слабая тенденция к снижению которого сменилась с середины 2010-х гг. ростом [3].

Ввиду особой значимости проблема региональной асимметрии не могла оставаться вне поля внимания и автора данной работы [4–9], неоднократно освещаясь в контексте разнообразных вопросов: некомпенсируемой межрегиональной миграции [4], социально-экономического положения Алтайского края [5], депопуляции Сибири [9], стратегических намерений государства в отношении пространственного развития страны [8] и др. Расценивая проблему межрегиональной дифференциации как препятствие «для решения ключевых задач развития страны», автор считает давно назревшей необходимость «кардинальной трансформации реализуемой модели экономического развития РФ» [6].

Вселяет надежду, что в последнее время озабоченность сложившимися разрывами в развитии отдельных субъектов РФ все явственнее звучит в кругу не только научного сообщества, но и политической элиты России. Не останавливаясь здесь на цитировании мнений различных представителей российского истеблишмента, отметим, что проявления серьезной обеспокоенности региональной поляризацией находят отражение как на уровне риторики, так и в официальных документах разного уровня. В частности, в утвержденной в 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. [10] среди основных проблем первым пунктом отмечен «высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства», а в качестве цели заявлено обеспечение «...сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения...». В принятой в конце 2024 г. новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 г. [11] среди важнейших тенденций, определяющих основные проблемы пространственного развития РФ, фик-

сируется «концентрация экономического роста на ограниченном числе территорий». Целью же новой Стратегии «является формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики Российской Федерации...».

Цель исследования. Ясно понимая объективный характер территориальных неравенств, детерминированный природными условиями, составом и количеством запасов полезных ископаемых и т. п. факторами, а также придерживаясь императива выравнивания территориальных различий, считаем целесообразным в рамках данной работы исследовать разрывы в экономическом потенциале российских регионов и сглаживающие их бюджетные эффекты. Определенное представление об этом, на наш взгляд, можно получить путем изучения уровня и динамики региональной дифференциации по валовому региональному продукту и бюджетных расходов в расчете на душу населения.

Материал и методы исследования выбраны исходя из обозначенной цели с учетом специфики рассматриваемых проблем и состояния экономики России в условиях геополитических вызовов. Краеугольным элементом теоретико-методологической основы работы стали концептуализация и синтез исследований автора по проблемам межрегиональной дифференциации [4–9]. Работа базируется на аксиоматическом подходе, в соответствии с которым необходимость нивелирования разрывов в территориальном развитии страны считается автором неоспоримой. Поскольку в качестве основного источника информации в работе используются исключительно официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ [12], то ключевую роль в исследовании имеют специальные методы сравнительного и статистического анализа, а также табличные приемы визуализации статистических данных об изучаемом явлении.

Для выявления сдвигов в территориальном развитии и региональных разрывах по основным экономическим показателям поставлена задача обработать и проанализировать массив статистических данных за 2013 г. и последний представленный в официальных ежегодных статистических изданиях период. Выбор 2013 г. в качестве базового не является случайным, так как сегодня очевидно, что он стал последним «спокойным» периодом перед коренным переломом в отношениях России и Запада на фоне событий на Украине, вылившимся в консолидацию многих западных стран вокруг украинского вопроса и их открытое противоборство с Россией. Что касается используемого в работе последнего периода исследования, то здесь требуется сделать определенные пояснения. Вообще информация о региональном развитии в РФ отражается в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» [12], который выходит с периодичностью один раз в год. На момент исследования на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики РФ опубликовано издание этого сборника 2024 г. Однако несмотря на то, что вся статистическая информация в сборнике включает данные за 2023 г., в разделе 1.1 «Основные социально-экономические показатели в 2023 году» валовый региональный продукт в разрезе субъектов РФ приводится только за 2022 г., который и использован в работе в качестве последнего периода исследования.

Результаты исследования. Предваряя исследование, считаем необходимым подчеркнуть признание автором объективного характера неравномерности развития территорий, хотя Н. В. Зубаревич в этой связи отмечает, что «до сих пор не сформировался профессиональный консенсус в понимании» этого явления [13]. Безусловно, гигантская площадь нашей страны во многом является причиной концентрации конкурентных преимуществ в одних территориях и их дефицита в других, обусловливая тем самым территориальные контрасты в уровне экономического потенциала. Однако помимо так называемых факторов «первой природы», которые обеспечивают преимущества для развития различных регионов вне зависимости от деятельности людей, П. Кругман выделяет также факторы «второй природы» [14]. Созданные человеческой деятельностью, эти факторы включают агломерационный эффект, человеческий капитал, развитие институтов и инфраструктуры и т. п., также во многом определяют экономический потенциал регионов.

Принимая в качестве важнейшего индикатора реализации экономического потенциала субъектов РФ показатель валового регионального продукта (ВРП), считаем целесообразным начать исследование с анализа этого показателя в расчете на душу населения.

Отметим, что в официальных статистических источниках представлены лишь сведения о месте регионов по величине ВРП на душу населения, однако информация об абсолютном значении этого показателя отсутствует, что не позволяет проследить межрегиональные разрывы. Для получения общего представления о территориальных различиях по уровню душевого ВРП автором произведен расчет, группировка и ранжирование федеральных округов по величине данного показателя (табл. 1).

Таблица 1

Группировка федеральных округов по ВРП на душу населения [составлено по 12]

Федеральный округ	Среднедушевой ВРП, тыс. руб.		Отклонение от среднероссийского уровня, %		Отклонение от минимального уровня, раз	
	2013	2022	2013	2022	2013	2022
Уральский федеральный округ (УФО)	625,18	1637,40	+66,3	+70,5	4,4	5,4
Центральный федеральный округ (ЦФО)	488,82	1177,10	+30,0	+22,5	3,4	3,9
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	451,03	1095,03	+20,0	+14,0	3,2	3,6
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	404,81	1365,01	+7,7	+42,1	2,9	4,5
Приволжский федеральный округ (ПФО)	288,22	685,59	-23,3	-28,6	2	2,2
Сибирский федеральный округ (СФО)	286,92	784,22	-23,7	-18,4	2	2,6
Южный федеральный округ (ЮФО)	252,67	589,77	-32,8	-38,6	1,8	1,9
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	141,74	304,83	-62,3	-68,3	-	-
<i>В среднем по РФ</i>	<i>375,96</i>	<i>960,54</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>

Представленные расчеты свидетельствуют, что за анализируемый период не произошло изменений в лидерах и аутсайдерах по рассматриваемому показателю среди федеральных округов: в 2022 г., как и в 2013, первое место принадлежало УФО, последнее — СКФО. Неизменным также осталось место Южного федерального округа. Позиции же остальных федеральных округов в течение исследуемого периода варьировали, при этом наиболее существенный сдвиг касается Северо-Западного федерального округа, поднявшегося с четвертого места в 2013 г. на второе в 2022 г.

Колебание душевого ВРП по федеральным округам относительно среднероссийского показателя в 2013 г. составляло от -62,3% до +66,3%,

при этом превышение среднего по РФ уровня имело место в половине округов. В 2022 г. состав федеральных округов с показателями, превосходящими среднероссийское значение, остался неизменным, однако увеличился размах вариации (от -68,3% до +70,5%) относительно средней величины. Кроме того, увеличился разрыв с показателем Северо-Кавказского федерального округа, имеющего наименьшее значение ВРП на душу населения. Если в 2013 г. душевой ВРП федерального округа-лидера в 4,4 раза превышал аналогичный показатель СКФО, то в 2022 году разрыв составил уже 5,4 раза. Таким образом, можно констатировать усиление территориальных диспропорций в реализации экономического потенциала федеральных округов РФ.

Таблица 2

Группировка субъектов РФ по ВРП на душу населения, составлено по [12]

ВРП на душу населения	Количество регионов		Доля в совокупном ВРП, %		Доля в численности населения, %	
	2013	2022	2013	2022	2013	2022
Более чем на 70% ниже среднероссийского показателя	2	5	0,3	1,2	1,3	4,5
На 50–70% ниже среднероссийского показателя	18	18	5,9	5,3	13,5	12,1
На 25–50% ниже среднероссийского показателя	27	28	17,6	18,0	28	29,5
На 10–25% ниже среднероссийского показателя	13	15	16,4	18,3	20,4	22,2
Не более чем на 10% ниже среднероссийского показателя	6	3	12,6	7,1	13,2	7,7
Не более чем 10% выше среднероссийского показателя	5	2	5,7	4,6	5,4	4,3
На 10–25% выше среднероссийского показателя	1	2	2,3	3,6	2	3,0
На 25–50% выше среднероссийского показателя	2	2	5,5	0,9	4,2	0,7
От 50% до 3 раз выше среднероссийского показателя	5	5	24,4	30,7	10,2	14,0
Более чем в 3 раза выше среднероссийского показателя	4	5	9,3	10,2	1,9	1,9

Поскольку внутри федеральных округов ситуация тоже довольно разнится, то рассмотренные выше показатели, на наш взгляд, не являются достаточно информативными. Для более полной картины представляется важным рассмотреть колеба-

ние душевого ВРП в разрезе отдельных регионов РФ относительно среднероссийского показателя. С этой целью осуществлена обработка массива статистических данных, результаты которой в сгруппированном виде отражены в таблице 2.

Отметим, что в таблице информация приведена за 2013 г. по 83 субъектам РФ, а за 2022 г. — по 85 (с учетом Республики Крым и города Севастополя). Использование приемов систематизации и группировки статистической информации позволяет увидеть, что в 2013 г. только в двух регионах РФ — Чеченской Республике и Республике Ингушетия — среднедушевой ВРП на 70% отставал от среднероссийского показателя. Однако в 2022 г. в эту группу добавилось еще три субъекта Северо-Кавказского федерального округа (Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская Республики). В итоге, если в 2013 г. на регионы-аутсайдеры по показателю среднедушевого ВРП приходилось 1,3% от населения РФ, то в 2022 г. — уже 4,5%.

Число регионов со среднедушевым ВРП, на 50–70% отклоняющимся в меньшую сторону от среднего показателя по России, составляло 18 как в 2013, так и в 2022 г. Однако доля этой группы субъектов РФ сократилась как в совокупном ВРП, так и в общей численности населения страны, что может быть проявлением ухудшения экономического и демографического потенциала данных регионов. Примечательно, что в эту группу попадает Алтайский край, занимавший 70-е место по данному показателю в 2013 г. и 69-е — в 2022 г., численность населения которого за рассматриваемый период сократилась почти на 11%.

Увеличилось число субъектов РФ, попадающих в следующие две группы (на 25–50% и на 10–25% отстающие от среднероссийского ВРП на душу населения), что обеспечило также рост удельного веса этих групп в валовом показателе ВРП и численности населения. Стоит подчеркнуть, что в 2022 г. более 50% населения страны проживало в регионах, объем среднедушевого ВРП которых на 10–50% был ниже соответствующего показателя в среднем по РФ.

Обобщенная характеристика региональных диспропорций по душевому ВРП, составлено по [12]

Показатели	2013	2022
Уровень ВРП на душу населения в среднем по РФ, тыс. руб.	375,96	960,54
Максимальный уровень ВРП на душу населения (Ненецкий автономный округ), тыс. руб.	3994,70	11787,4
Минимальный уровень ВРП на душу населения (Чеченская Республика — 2013, Республика Ингушетия — 2022), тыс. руб.	87,75	157,97
Медианное значение ВРП на душу населения (Астраханская область — 2013, Калужская область — 2022), тыс. руб.	263,17	648,05
Количество регионов с объемом ВРП на душу населения выше среднероссийского	17	16
Доля регионов с объемом ВРП на душу населения выше среднероссийского, %	20,5	18,8
Отклонение медианного значения душевого ВРП от среднеарифметического, %	-30,0	-32,5
Размах вариации (превышение максимального ВРП на душу населения над минимальным), раз	45,5	74,6

Таким образом, результаты представленной группировки свидетельствуют о негативных изменениях в пропорциональности пространственного развития РФ. В 2013 г. 60 российских регионов имели размер душевого ВРП, недотягивающий до среднероссийского более чем на 10%, в 2022 г. таких регионов было уже 66. Даже с учетом появления двух новых регионов (Республика Крым — 78-е место, город Севастополь — 74-е) динамика довольно неблагоприятная. В итоге в 2022 г. в этих регионах в совокупности проживало более двух третей (68,3%) населения страны (в 2013 году 63,2%).

Анализ состава следующих двух групп регионов подтверждает вывод об усилении разрыва в пространственном развитии страны. Так, «твёрдыми середнячками» (среднедушевой ВРП $\pm 10\%$) в 2013 году могли считаться 11 регионов (13% от общего количества), в 2022 г. под эти критерии подпадали всего пять регионов (менее 6% от общего количества). На долю регионов-середняков в 2013 г. приходилось немногим более 18% совокупного ВРП и численности населения страны, в 2022 г. вклад данных регионов в эти показатели опустился до 12%.

В результате в 2022 г. из 85 субъектов РФ превышение среднероссийского уровня по душевому ВРП имело место только у 16 регионов (18,8%), тогда как в 2013 г. доля таких регионов составляла 20,5% (17 из 83). Стоит подчеркнуть при этом, что в число субъектов РФ, занимающих высокие позиции, закономерно входят Московская и Санкт-Петербургская агломерации, которые, как считает П. А. Минакир, редко транслируют экономические эффекты в окружающую их социально-экономическую среду, всасывая в себя население и ресурсы, они практически ничего не отдают взамен [15].

Обобщенная характеристика региональных диспропорций по душевому ВРП отражена в таблице 3.

Таблица 3

Как следует из таблицы, разрыв в уровне душевого ВРП, являющийся довольно значительным в 2013 г., за рассматриваемый период еще более усилился. Так, если в базовом году максимальная величина исследуемого показателя более чем в 45 раз превышала минимальное значение, то в 2022 г. отклонение составило более чем 74 раза. Такие резкие различия количественных признаков, свидетельствующие о высокой степени неоднородности совокупности, согласно теории статистики иска- жают смысл средней величины как обобщающей характеристики, которая перестает отражать реальный душевой ВРП большинства регионов. Учитывая, что любые степенные средние чувствительны к экстремальным значениям в числовом ряду и не дают представления об их разбросе, для компенсации этих недостатков изучение совокупности следует дополнить анализом структурных средних.

Одной из разновидностей структурных средних, устойчивой к влиянию единичных больших и малых значений признаков, является медиана, делящая совокупность на две равные по численности группы. Как следует из представленных в таблице 3 данных, медианный показатель душевого ВРП существенно отличается от среднего арифметического, при этом также имеет место нарастание отклонения. В 2013 г. при среднероссийском душевом ВРП в размере около 376 тыс. руб. половина регионов России имела ВРП на душу населения менее 263 тыс. руб., что на 30% ниже среднероссий-

ского показателя. В 2022 г. разрыв между медианным и среднеарифметическим показателем возрос до –32,5%.

Таким образом, можно констатировать, что в РФ имеют место не только довольно сильные территориальные контрасты по величине валового регионального продукта в расчете на душу населения, но и процесс расхождения уровней развития регионов по данному индикатору. При этом, на наш взгляд, сводить причины подобного положения лишь к обширности страны и природно-климатическим различиям (которые в силу их очевидности странно отрицать), довольно поверхностно.

Значительные разрывы в относительной величине валового регионального продукта определяют и неравенство бюджетных возможностей субфедеральных властей в социальной, финансовой, экономической, инвестиционной и промышленной сферах. Решение этой проблемы требует выравнивания возможностей региональных властей в оказании публичных услуг в рамках межбюджетных отношений, которое может иметь вертикальное и горизонтальное измерения [16]. Поэтому далее считаем необходимым остановиться на исследовании уровня и динамики среднедушевых региональных бюджетных расходов.

В таблице 4 представлено соотношение темпов роста уровня ВРП и бюджетных расходов на душу населения в среднем по России в 2022 г. в сравнении с 2013 г.

Динамика показателей среднедушевого ВРП и среднедушевых бюджетных расходов, составлено по [12]

Показатель	2013 г.	2022 г.	Темп роста, %
Среднедушевой ВРП, тыс. руб.	375,96	960,54	255,49
Средний уровень бюджетных расходов региональных бюджетов на душу населения, тыс. руб.	61,30	134,02	218,63

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что с 2013 г. ВРП на душу населения в среднем по РФ вырос более чем в 2,5 раза, опережая рост среднедушевых региональных бюджетных расходов. В итоге на 1% прироста душевого ВРП в этот период приходилось только 0,86% прироста душевых расходов региональных бюджетов. Отмеченное свидетельствует об относительном снижении финансирования территорий из региональных бюджетов, что повышает риск недофинансирования различных программ регионального развития.

Для характеристики уровня региональной дифференциации по величине бюджетных расходов на душу населения в таблице 5 приведены результаты группировки субъектов РФ по данному показателю.

Представленные в таблице данные нельзя оценить однозначно. С одной стороны, в 2022 г. в сравнении с 2013 г. увеличилось количество субъектов (на два), у которых среднедушевые расходы региональных бюджетов превышали среднероссийскую величину. С другой стороны, на фоне увеличения количества регионов снизилась доля населения страны, приходящегося на них. Однако исследование проблемы неоднородности развития отдельных территорий предполагает также оценку состава совокупности регионов, входящих в разные группы. Как отмечает А. Н. Буфетова, важное значение имеет степень «замкнутости» разных групп, наличие и частота случаев перехода регионов между группами [17]. В этой связи если рассматривать состав субъектов РФ, имеющих показатели выше среднероссийских, то можно отметить незначительные

изменения. Так, в состав данной группы добавились Республика Карелия (у которой в 2013 г. показатель на 6,2% не дотягивал до среднероссийского), Республика Бурятия (в 2013 г. показатель

на 12,3% был ниже среднего по РФ) и Республика Крым (в 2022 г. — 21-е место по показателю), но выпала Московская область (не дотянув до среднероссийского 1,5%).

Группировка регионов по бюджетным расходам на душу населения, составлено по [12]

Показатель	Количество регионов		Доля населения, %	
	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
Субъекты с показателем выше среднероссийского	21	23	26,7	24,5
Субъекты РФ с показателем, более чем в 2 раза превышающим среднероссийский	9	8	11,31	10,64
Субъекты РФ, отклонение душевых бюджетных расходов в которых не более $\pm 10\%$ от среднероссийского	10	12	13,74	18,31
Субъекты РФ с показателем более чем на треть ниже среднероссийского	16	20	18,96	27,13

В качестве позитивного момента можно зафиксировать рост за рассматриваемый период как количества регионов, которые можно отнести к «середнякам» (среднероссийский показатель $\pm 10\%$), так и доли населения, проживающего в таких регионах. Однако количество таких регионов остается по-прежнему незначительным (менее 15% от общего числа). Негативным фактом следует считать увеличение количества регионов, существен-

но отстающих по среднедушевым бюджетным расходам (более чем на треть) от среднероссийского показателя, и удельного веса населения страны, охваченного этими регионами.

Для получения представления о наличии выравнивающих территориальные различия бюджетных эффектов в таблице 6 представлена обобщенная характеристика региональных диспропорций по душевым бюджетным расходам.

Обобщенная характеристика региональных диспропорций по уровню бюджетных расходов на душу населения, составлено по [12]

Показатели	2013	2022
Среднероссийский уровень бюджетных расходов на душу населения, тыс. руб.	61,30	134,02
Максимальный уровень бюджетных расходов на душу населения (Чукотский автономный округ), тыс. руб.	552,66	1220,27
Минимальный уровень бюджетных расходов на душу населения (Республика Дагестан — 2013, Ставропольский край — 2022), тыс. руб.	30,17	67,95
Медианное значение бюджетных расходов на душу населения (Республика Хакасия — 2013, Костромская область — 2022), тыс. руб.	49,18	106,01
Количество регионов с бюджетными расходами на душу населения выше среднероссийского	21	23
Доля регионов с объемом бюджетных расходов на душу населения выше среднероссийского, %	25,3	27,1
Отклонение медианного значения бюджетных расходов на душу населения от среднегеометрического, %	-19,8	-20,9
Размах вариации (превышение максимального уровня бюджетных расходов на душу населения над минимальным), раз	17,3	18,0

Анализ приведенных в таблице 6 показателей позволяет уже довольно однозначно сделать вывод о хотя и незначительном, но нарастании контрастов в величине расходов региональных бюджетов на душу населения. Так, в 2013 г. разрыв между лидерами и аутсайдерами по значению рассматриваемого показателя составлял 17,3 раза, а в 2022 г. он возрос до 18 раз. Увеличилось также расхождение

между степенной и структурной средними, свидетельствующее о возрастании разброса данных: если в 2013 г. половина регионов России имела бюджетные расходы на душу населения ниже среднероссийского показателя на 19,8%, то в 2022 г. — уже на 20,9%.

Довольно информативным нам представляется не просто анализ показателей таблицы 6, а со-

поставление их с данными таблицы 3, что дает возможность увидеть наличие выравнивающих бюджетных эффектов. Так, размах вариации, имеющий колоссальное значение по душевому ВРП в 2013 г. (более чем в 45 раз), к тому же существенно усилившись в 2022 г. (почти в 75 раз), значительно менее выражен по величине среднедушевых расходов региональных бюджетов (17–18 раз). То же самое касается колебания медианного значения рассматриваемого показателя около среднеарифметического, которое более чем на треть

меньше, чем по душевому ВРП (— 19,8% против —30,0% в 2013 г.; — 20,9% против —32,5% в 2022 г.).

Таким образом, можно констатировать, что посредством бюджетной политики происходит определенное сглаживание резких диспропорций в экономическом развитии регионов. Выравнивающий бюджетный эффект проявляется в разном соотношении между величиной расходов региональных бюджетов на душу населения и уровнем душевого ВРП, минимальное, максимальное и среднее значение которого отражено в таблице 7.

Таблица 7
Соотношение среднедушевых бюджетных расходов и среднедушевого ВРП, составлено по [12]

Показатель	2013 г.	2022 г.
Среднее соотношение душевых бюджетных расходов и душевого ВРП, %	16,3	14,0
Минимальное соотношение душевых бюджетных расходов и душевого ВРП (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра), %	8,3	5,5
Максимальное соотношение душевых бюджетных расходов и душевого ВРП (Чукотский автономный округ — 2013, Республика Ингушетия — 2022), %	59,4	58,5

Как можно увидеть по представленным данным, в 2013 г. соотношение среднедушевых расходов бюджета к объему ВРП на душу населения варьирует от 8,3 до 59,4%, при среднероссийском показателе на уровне 16,3%. В 2022 г. в целом по стране произошло снижение относительной величины бюджетных расходов от ВРП до 14%, что свидетельствует о большем изъятии финансовых ресурсов у регионов в пользу федерального центра. В результате сократилась как минимальная (5,5%), так и максимальная доля бюджетных расходов на душу населения от среднедушевого ВРП (58,5%).

В 2013 г. более 50% составляли душевые бюджетные расходы от ВРП на душу населения в четырех субъектах РФ, три из которых занимали одни из самых низких мест по уровню ВРП на душу населения (Чеченская Республика — 83-е место (2013) и 84-е (2022), Республика Ингушетия — 82-е и 85-е место, Республика Тыва — 79-е место (в 2013 и 2022 гг.)). Высокий уровень соотношения рассматриваемых показателей сохраняется в отмеченных трех регионах и в 2022 г., хотя в Чеченской Республике он и опустился ниже 50% (49,5%). В результате место указанных регионов по средним душевым бюджетным расходам существенно выше, чем по среднедушевому ВРП, и составляло в 2013 и 2022 гг. соответственно: Чеченская Республика — 44-е и 49-е места, Республика Ингушетия — 36-е и 59-е, Республика Тыва — 17-е и 13-е места.

Наименьшее соотношение бюджетных расходов и ВРП на душу населения как в 2013, так и в 2022 г. имели два субъекта РФ: Ханты-Ман-

сийский и Ненецкий автономные округа, которые по уровню валового регионального продукта в расчете на душу населения входили в топ-10 регионов. Отметим, что состав регионов-лидеров по объему душевого ВРП обусловлен в первую очередь рентным характером российской экономики, поскольку «базовым источником ренты в России является нефть, а ключевым ее поставщиком — Ханты-Мансийский автономный округ» [18], его ведущие позиции в рейтинге субъектов РФ совершенно закономерны.

Выводы. Итак, наличие определенного пространственного перераспределения экономических ресурсов в масштабе страны очевидно. Однако демпфирующие воздействия, на наш взгляд, являются недостаточными, что подтверждает и расчет коэффициента парной корреляции между величиной среднедушевого ВРП и долей бюджетных расходов в ВРП, который показал наличие слабой отрицательной зависимости (—0,24 в 2013 г. и —0,3 в 2022 г.). Представленные в работе оценки соглашаются с результатами других исследований, рассматривающих влияния политики государства на региональное развитие. В частности, в работе Е. А. Коломак констатируется отсутствие ощущаемой связи между государственными инвестициями и уровнем развития российских регионов, несмотря на высокий уровень концентрации ресурсов и полномочий в федеральном центре [19].

Следствием отмеченного является сохранение не только межрегиональных контрастов в уровне душевых бюджетных расходов на довольно высоком уровне, но и тренда на их нарастание. Результатом подобной логики регионального развития

становится не просто консервация проблем отставания, а дивергенция уровней социально-экономического развития лидирующих и стагнирующих регионов. В наиболее явной форме проявлением высокого уровня пространственной асимметричности является некомпенсируемая межрегиональная миграция вследствие слабости социальной сферы и отсутствия возможностей для повышения благосостояния и профессиональной самореализации в проблемных регионах. Твердо придерживаясь позиции об ограниченности подхода, сводящего причины территориальных диспропорций лишь к географическим и природно-климатическим различиям, считаем, что в сложившихся российских условиях ключевым фактором опустыниванием целых территорий, всю совокупность рисков которого (экономических, социальных, демографических, межнациональных, geopolитических и других) невозможно охватить в рамках данной статьи, является отсутствие грамотной стратегии пространственного развития.

В заключение отметим, что пока не вызывает оптимизма и принятая в конце 2024 г. новая Стратегия на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. [11], обсуждение проекта которой вызвало немалые дискуссии в среде экспертного сообщества. Сложившееся недоверие к государственным документам стратегического планирования можно объяснить целым рядом обстоятельств. Во-первых, это декларативность, недостаточная проработка целевых индикаторов, что обуславливает их иллюзорность, зачастую делая стратегические документы заведомо мертворожденными. Во-вторых, неэффективность организации процесса реализации стратегических документов и контроля за их выполнением, отсутствие четких мер ответственности, что превращает их из реальных инструментов управления в долгостоящие симулякры. И,

как следствие всего отмеченного, «скромность» итогов стратегических документов, значительный разрыв между реальностью и заявленными целями, компрометирующие не только их инициаторов, но и всю систему стратегического планирования. Что касается принятой в 2024 г. Стратегии пространственного развития, то стоит заметить, что она оперирует понятием «опорные населенные пункты», призванные, по замыслу разработчиков, переломить тенденцию урбанизации, став расселенческим, инфраструктурным и экономическим каркасом страны. Однако ставка на развитие опорных населенных пунктов как ответ на проблемы пространственного развития страны представляется нам достаточно неоднозначной. При таком подходе вызывает опасение судьба действительно вымирающих населенных пунктов, не попавших в требуемую зону, которые могут вообще осться без поддержки. Ведь если развитие опорных населенных пунктов будет сопровождаться оптимизацией социальной инфраструктуры в прочих местностях, то это станет триггером их дополнительного опустынивания, поскольку центрами притяжения людей являются в первую очередь территории с лучшим доступом к медицине и образованию. Усилиению беспокойства способствует и периодическое продвижение на разных площадках вопроса о «нерентабельности» для государства поддержки малых городов и поселений. В частности, в то самое время, когда обсуждался проект новой Стратегии пространственного развития, на строительном форуме в Екатеринбурге заместитель генерального директора компании «Газпром инвест» прямо предложил прекратить поддержку российской провинции [20]. На наш взгляд, такая логика пространственного развития не только ущербна, но и чрезвычайно опасна для развития и существования нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Россия вошла в топ-3 по неравенству регионов внутри страны // Независимая газета. URL: <https://www.ng.ru/news/628757.html> (дата обращения: 13.12.2024).
2. Зубаревич Н. В., Сафонов С. Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. 2024. № 1 (83). С. 5–18.
3. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70.
4. Асканова О. В. Проблемы подготовки и закрепления управленческих кадров в Алтайском крае в условиях некомпенсируемой межрегиональной миграции // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров: материалы V Международного экономического форума / под ред. д.э.н. С. В. Лобовой, д.э.н. С. Н. Бочарова. Барнаул, 2018. С. 15–27.
5. Асканова О. В. Социально-экономическое положение Алтайского края в свете проблем регионального неравенства // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом: материалы Двенадцатой международной научно-практической конференции. Рубцовск, 2020. С. 85–94.

6. Асканова О. В. Региональная асимметрия в России и механизмы ее нивелирования // Состояние, проблемы и перспективы развития современных социально-экономических процессов: монография. Петрозаводск, 2021. 62 с.
7. Асканова О. В. Региональное неравенство в доходах населения России // Передовое развитие современной науки как драйвер роста экономики и социальной сферы: сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 7–12.
8. Асканова О. В. Региональная дифференциация и стратегия пространственного развития России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 4 (часть 2) С. 157–165.
9. Асканова О. В. Депопуляция Сибири в свете расселенческой проблемы России // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 2. С. 5–14.
10. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 14.12.2024).
11. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. URL: <https://base.garant.ru/411243583/> (дата обращения: 24.02.2025).
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 03.02.2025).
13. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010. 160 с.
14. Krugman P. R. Geography and Trade. MIT Press. Cambridge, 1991.
15. Минакир П. А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20.
16. Андряков А. Д., Домбровский Е. А. Меры налогово-бюджетного стимулирования экономического роста территорий // Финансовый журнал. № 5. 2020. С. 99–113.
17. Буфетова А. Н. Поляризация пространственного развития России: камо грядеши? // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22. № 1. С. 103–129.
18. Белобородов В. М. Проблема регионального неравенства в России: причины и пути решения. URL: <https://neosoclit.ru/files/12.pdf> (дата обращения: 31.03.2025).
19. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106.
20. В России предложили перестать спасать умирающие городки и посёлки // ForPost. URL: <https://sevastopol.su/news/v-rossii-predlozhili-perestat-spasat-umirayuschie-gorodki-i-posyolki> (дата обращения: 28.02.2025).

REFERENCES

1. Russia has entered the top 3 in terms of regional inequality within the country. URL: <https://www.ng.ru/news/628757.html> (date of access: 13.12.2024).
2. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Interregional inequality in Russia and post-soviet countries in the 21st century. Regional Research. 2024. No. 1 (83). Pp. 5–18.
3. Zubarevich N. V. Inequality of regions and large cities of Russia: What has changed in the 2010s? Social sciences and modernity. 2019. No. 4. Pp. 57–70.
4. Askanova O. V. Problems of training and retaining managers in the Altai Territory in the context of uncompensated interregional migration. Proc. 5th Int. Forum Economic development of the region: management, innovations, personnel training. Barnaul, 2018. Pp. 15–27.
5. Askanova O. V. Socio-economic situation in the Altai Territory from the point of view of the regional inequality problems. Proc. 12th Int. Conf. Problems and prospects for the development of economics and management in Russia and abroad. Rubtsovsk, 2020. Pp. 85–94.
6. Askanova O. V. Regional asymmetry in Russia and mechanisms of its leveling. The state, problems and prospects of development of modern socio-economic processes. Petrozavodsk, 2021. P. 62.
7. Askanova O. V. Regional income inequality in Russia. Advanced development of modern science as a driver of economic and social growth. Petrozavodsk, 2021. Pp. 7–12.
8. Askanova O. V. Regional differentiation and strategy of s Russia patial development. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 4 (Part 2). Pp. 157–165.

9. Askanova O.V. Depopulation of Siberia from the point of view of Russian settlement problem. *Economics. Profession. Business.* 2022. No. 2. Pp. 5–14.
10. Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 207-r dated 13/02/2019. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (date of access: 14.12.2024).
11. Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036, approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 4146-r dated 28/12/2024. URL: <https://base.garant.ru/411243583/> (date of access: 24.02.2025).
12. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (date of access: 03.02.2025).
13. Zubarevich N. V. *Regions of Russia: inequality, crisis, modernization.* Moscow, 2010. 160 p.
14. Krugman P. R. *Geography and Trade.* MIT Press. Cambridge, 1991.
15. Minakir P. A. Spatial Development Strategy: A View from the Concepts of Spatial Organization in the Economy. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics.* 2018. No. 4. Pp. 8–20.
16. Andryakov A. D., Dombrovskiy E. A. Fiscal Measures to Boost the Economic Development of Russian Territories. *Financial Journal.* 2020. Vol. 12. No. 5. Pp. 99–113.
17. Bufetova A. N. Polarisation of Russia's spatial development: quo vadis? *World of Economics and Management.* 2022. Vol. 2, No. 1. Pp. 103–129.
18. Beloborodov V. M. The problem of regional inequality in Russia: causes and solutions. URL: <https://neosoclit.ru/files/12.pdf> (date of access: 31.03.2025).
19. Kolomak E. A. Spatial Development of Russia in XXI century. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics.* 2019. Vol. 15. No. 4. Pp. 85–106.
20. In Russia, they proposed to stop saving dying towns and villages. *ForPost.* URL: <https://sevastopol.su/news/v-rossii-predlozhili-perestat-spasat-umirayuschie-gorodki-i-posyolki> (date of access: 28.02.2025).

Поступила в редакцию: 01.04.2025.

Принята к печати: 24.04.2025.
